
ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

В. Ю. Сморгунова,
декан юридического факультета

ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

В современной России отсутствует концепция гражданской миссии образования. Также в России отсутствует и целостная система гражданского образования. Однако она необходима, так как мы стремимся к построению правового государства и нам требуется избавиться от достаточно широко распространенного в обществе правового нигилизма. Рассмотрим вышеобозначенные проблемы, исходя из принципа перехода от общего к частному.

Задачи формирования правового государства и гражданского общества по своей масштабности и сложности соизмеримы с появлением и утверждением в российском обществе *национальной идеи*, поисками которой постоянно озабочены современные отечественные политики, философы и деятели культуры.

Безусловно, и правовое государство, и совершенная правовая культура относятся к числу *нормативных духовно-смысловых образований*, недостижимых в практической жизнедеятельности любого общества, как российского, так и западного, имеющего, в отличие от первого, многовековую историю культивирования такой гражданской добродетели, как законопослушность, обладая более совершенной системой законодательства.

Понятно, что и гражданское общество, и правовое государство — *гипотетические идеалы*, однако отсутствие правового идеала, как и нравственных принципов, лишает человека ориентации в его жизненном пространстве, приводит общественные ассоциации, государственные объединения людей к *деградации* и разгулу анархии, которая может быть и политической, и нравственной, и теоретико-философской.

Любые проявления анархии, хотя и содержат в себе неоценимый потенциал креативности, опасны для общества при его ориентации на

поддержание стабильной общественной жизни и ее нормативно-правовое регулирование, опасны для жизни человека в целом.

Правовой и нравственный порядок всегда нацелен на развитие у людей, особенно у подрастающего поколения, молодежи, высокой *правовой культуры*, на формирование уверенности у людей в том, что их первостепенной обязанностью, их долгом является *обязанность подчиняться закону*. Но человек не может быть *законопослушным*, только слепо подчиняясь закону. Его законопослушность формируется вследствие многих факторов, одним из которых является *гражданская компетентность*.

Правовая культура — это и усвоенные знания о праве, государстве, законах, представляющие когнитивную сторону культурного феномена, это

и эмоционально-оценочные комплексы, такие как гражданские добродетели, ценностные ориентации, правовые оценки; это — и поведенческо-волевые качества личности любого субъекта правоотношений, включающие в себя поведенческие стереотипы правомерного поведения, правовые установки и правовые стереотипы,

волю к исполнению законов и подчинению праву. Правовая культура *многослойна*, имеет множество модусов своего бытия, она развивается и является фактором формирования правового государства и гражданского общества. В свою очередь, нас интересуют *факторы формирования* правовой культуры различных групп населения, особенно студенческой молодежи.

Рассуждая об этих проблемах, отметим, что Платон впервые подразделил людей на тех, кто *знает и не делает*, и тех, кто *делает и не знает*, что *делает*. Интерпретировать Платона можно по-разному.

I. Диалектика гражданской компетентности и правовой культуры

Чтобы *знать*, необходимо что-то для этого сделать: получить образование, например, приобрести жизненную и практическую, профессиональную мудрость. Но чтобы делать, необходимо быть компетентным, не обязательно быть исключительно знающим, т. е. тем, кем, по Платону, являются только философы — правители, законостроители. Достаточно быть просто граждански компетентным, освоив определенную массу информации, преобразовав ее в позитивную и ориентирующую на практическое действие в современных социально-политических условиях правовую установку, которая и определяет человеческие поступки в правовом поле.

Мы считаем, что *законопослушность* (= правовая культурность) во многом определяется гражданской компетентностью. Приоритетом же для оптимального функционирования правового государства, которое еще строится в России, является подчинение граждан праву, т. е. законопослушность. Последняя, в свою очередь, согласно нашей позиции, определяется гражданской компетентностью личности. Хотелось бы сделать акцент и на том, что добродетелью хорошего гражданина хорошего общества также является *гражданская компетентность*, которая представляет собой сплав гражданско-правовых знаний и, как говорил И. Кант, *практического разума*, т. е. готовности, нацеленности личности на реализацию этих знаний в социальной деятельности в рамках тех правовых пределов, которые определяются господствующим правопорядком.

Что же собой представляет гражданская компетентность? Гражданская компетентность — это не только *знание* о законах, нормах права, устройстве и функционировании государства, его институтов, органов, не только знание о политических институтах и процессах, организации гражданской жизни и ассоциаций гражданского общества, принципах его жизнедеятельности, роли гражданина в обществе, его правах, обязанностях, гражданской ответственности. Гражданская компетентность предполагает и интеллектуальное освоение *нормативно-оценочного содержания* основ добродетельной нравственной жизни, необходимой для стабилизации общественного

строения, экономического и политического порядка, для его нормативно-правового регулирования.

Гражданская компетентность — это и интеллектуально-оценочное освоение символов, знаков, стереотипов, обычаев, норм, которые существуют в гражданско-правовой реальности и в реальности государства, права, социальных институтов.

Гражданскую компетентность формирует не только освоение информации, которая, безусловно, не может не содержать оценок, но ее формирует и существующая в обществе правовая культура, которая является определенным эталоном и по образцу которой в процессе правовой социализации формируется актуальная правовая культура молодежи, студентов.

Существующая в обществе правовая культура преломляется в *правовом сознании молодежи*, подчас искажается, иногда наращивается и обогащается, что детерминируется уровнем гражданской компетентности молодых людей и их деятельной ролью в правовой реальности.

Таким образом, мы полагаем, что правовая культура молодежи формируется под воздействием роста ее гражданской компетентности, а гражданская компетентность, в свою очередь, повышается в силу приобщения личности к наличествующей в обществе гражданско-правовой культуре. Сформировавшаяся правовая культура личности и есть квинтэссенция ее гражданских добродетелей. Причем гражданская компетентность, будучи фактором формирования правовой культуры и самостоятельным примером гражданской добродетели, проникает в поры правовой культуры, инкорпорируется с ней.

II. Границы гражданской компетентности и правовой культуры

Отметим также, что *нельзя никогда окончательно сформировать* правовую культуру, нельзя и завершить процесс повышения гражданской компетентности. Эти процессы — примеры *длящейся актуальности*.

Человек, приобретая в процессе социализации гражданскую позицию, не может ее лишиться; она может измениться, преобразоваться, но она навсегда «прописывается» в правовой, гражданско-правовой культуре человека.

Сфера (вернее, арена) гражданской жизни отличается тем, что сюда есть только *вход*, но из нее нет никогда *выхода*. Человек рождается, не

имея правовой культуры, не обладая гражданской компетентностью, но приобретает ее в процессе правовой, нравственной и политической социализации. Приобретая правовую культуру, но перестав быть граждански компетентным, человек не может от нее избавиться, даже находясь на смертном одре. Человек не может выбраться из политического, гражданско-правового мира с его законами, его культурой. Поэтому *со своей правовой культурой человеку приходится жить до смерти*. Правовая культура обладает *способностью жизни после смерти*. После смерти правовая культура человека будет жить в других людях, в обществе. Таким образом, правовую культуру можно сформировать, можно изменить, но избавиться от нее нельзя никогда.

Поэтому так велика роль университетского образования в целенаправленном формировании гражданской компетентности и высокой правовой культуры студентов в процессе правовой социализации, происходящей в стенах вуза при участии ассоциаций гражданского общества и других социализирующих агентов. Нам видится, что университеты ответственны именно за развитие гражданской компетентности студентов, тем самым выполняя роль института правовой социализации, продуктом деятельности которой является правовая культура студентов.

III. Об элитарной и массовой компетентности

Гражданская компетентность не обязательно предполагает интеллектуальные открытия, она связана с *массовидными* явлениями. Тем более она никак не требует *тирании знания*. Анализируя гражданско-правовую культуру большой общности людей, заметим, что она нуждается в *массовой компетентности*, хотя в качестве эталона ориентируется на элитарную гражданскую компетентность. Формироваться гражданская компетентность начинает в детстве. Велика роль в этом процессе семьи, особенно на ранних этапах социализации, и школы. Вот почему особое значение имеет педагогический вуз в процессе правовой и политической социализации.

Ни для кого не является секретом то, что современный российский педагогический вуз готовит массового учителя для массовой школы через специалитет или бакалавриат. Предполага-

ется, что подготовка *интеллектуальной элиты* российского общества осуществляется через реализацию магистерских образовательно-профессиональных программ, через аспирантуру и докторантуру.

Говоря о ныне действующих государственных образовательных стандартах бакалавриата, обратим внимание на то, что они, безусловно, нацелены на подготовку *среднестатистических* граждан, на массового, но не элитарного студента. Достаточно обратить внимание на перечень дисциплин, включенных в блок ГСЭ ВПО по направлениям педагогического образования, на объем читаемых дисциплин, на плотность программ обучения, на интенсификацию их усвоения, не предполагающую проведения правовых и политических тренингов, мастер-классов по политической, юридической, психологической конфликтологии, на междисциплинарность подходов и межфакультетские программы.

Однако, думается, что если мы ставим задачу подготовки граждански зрелого и компетентного специалиста, необходимо выше поднимать *образовательную планку*, особенно бакалавриата и магистратуры. Для этого *требуется культивирование духа элитарности* высшего педагогического образования. Ведь дух университета — это и есть дух элитарности. Университет — это не завод, фабрика или политическая партия, где разрабатываются «черные» политические технологии (иногда — «белые»). *Педагогический университет* — это академическое учреждение, институт гражданского общества, независимый от политических партий и от сиюминутных требований рутинной жизни. Педагогический университет — это учреждение, где господствуют *академические свободы*, где есть интеллектуальный досуг как у преподавателей, так и у студентов, где жизнь проходит в атмосфере споров, дебатов, диалога, где активны клубы, библиотеки, где проводятся публичные обсуждения инновационных проектов, где публикуются книги и журналы, проходят конференции и заседают советы, где информация публична, открыта, доступна и многогранна.

Тогда массовый студент станет обладать гражданской компетентностью, а преподаватель в рамках магистратуры будет готовить сверх-

элитарных педагогов, людей творческих и добродетельных.

Именно педагогический вуз должен взять на себя гражданскую миссию подготовки молодых граждан России, для которых элитарная гражданская компетентность станет массовой, а *добродетельность — всеобщей*.

IV. О гражданской элитарности преподавателей вуза

Вызов общества обращен, прежде всего, к преподавательскому корпусу. Преподаватель должен быть элитарным. А это значит исключительно знающим, квалифицированным и, конечно же, добродетельным: законопослушным, лояльным, патриотичным, относящимся с доверием к коллегам и студентам; толерантным к инаковости (этнической, расовой, гендерной, социальной, религиозной, профессиональной, интеллектуальной, образовательной и пр.), милосердным, честным, солидарным. Но он не может быть терпимым к безнравственности, экстремизму, ксенофобии, терроризму, всем видам насилия и нарушению правовых норм. Его добродетельность должна выражаться и в цивилизованности (вежливости, коммуникативности, доброжелательности, дружелюбии).

Преподаватель сам должен быть граждански активным и граждански компетентным, если претендует быть преподавателем высшей школы. У преподавателя российского вуза также должны быть общественные обязанности. Как минимум, он должен участвовать, говоря привычным для нашего общества языком, в общественной жизни вуза, города, населенного пункта. Но время и силы человека не безмерны, поэтому его гражданская активность, как это не покажется странно звучащим, должна ранжироваться, «рейтинговаться», учитываться при составлении академической нагрузки. Так это делается, например, в университетах США. Если ты участвуешь в работе двух—трех общественных комитетов, например, в приемной комиссии, в комиссии по определению тематики выпускных квалификационных работ, в комиссии по организации университетских праздников, то ты вместо, к примеру, шести обязательных для твоей ставки классов, будешь иметь только четыре. Однако и здесь дело не доходит до абсурда, и преподаватель университета не превращается в массовика-затейника или менеджера учебного отдела; существует

определенный академический минимум, ниже которого учебная нагрузка также не имеет права падать, т. е. меньше трех классов в году.

V. Гражданская компетентность и академическая мобильность

Гражданские добродетели, культивируемые в российском педагогическом вузе, должны быть *конвертируемыми*, инвариантными, адекватными ценностями глобализирующегося гражданского общества, объединяющего западные и восточные ценности. Это означает и признание необходимости включения российских вузов в международное образовательное пространство.

Развитие гражданско-правовой культуры российских университетов неотъемлемо связано с *интернационализацией образовательных программ* и гражданско-образовательных проектов, с развитием академической мобильности.

В настоящее время мы все работаем на включение наших образовательных программ в образовательный контекст *Болонского процесса*, рассчитывая и на то, что произойдет не только обмен интеллектуальными ресурсами, но и на то, что академическая мобильность станет реальной и в пространственно-временном аспекте.

Однако здесь мы забываем о своем патриотизме, о том, что нам следует развивать и российскую академическую мобильность. Развитие правового сознания и правовой культуры, повышение гражданской компетентности требуют *объединения российских университетов* и активизацию *обмена ресурсами*: интеллектуальными продуктами, образовательными технологиями, студентами, преподавателями, педагогическим опытом.

Необходимо *возродить* студенческие *академические обмены*. Пусть столичные вузы пошлют в Сибирь, на Урал, Дальний Восток своих студентов, и наоборот. Почему в США, если ты хочешь подняться выше в сфере государственной службы или управления в сфере университетского образования, тебе предлагается поработать в Кыргызстане, Румынии, Албании, Украине? Почему же российское педагогическое образование не использует богатейшие возможности *российского образовательного пространства* для наращивания правовой и гражданской культуры своих студентов и преподавателей посредством обмена, *объединения уси-*

лий, выработки единой позиции? Безусловно, нужны *нормативно-правовые, институциональные и материально-финансовые* условия для реализации *российской академической мобильности*. Но именно на этом пути объединения и произойдет окончательное осмысление гражданской миссии российских университетов, будет формироваться российская правовая культура.

Вывод. И на Западе, и в России существует плюрализм типов гражданско-правовой культуры. Они требуют своего освоения, для этого необходимо находиться во взаимодействии друг с другом как в рамках российского, так и международного интеллектуально-образовательного пространства.

Необходимо понять то, что когда осуществляется взаимодействие различных типов гражданско-правовой культуры, она не унифициру-

ется, а, наоборот, в обществе производится *больше культуры, она становится мощнее, объемнее, структурированнее*, поскольку наличествует живая взаимосвязь гражданско-правовых ценностей и самих граждан, обладающих знаниями и гражданскими добродетелями.

При этом следует осознавать, что формирование таких гражданских добродетелей, как гражданская компетентность, — это *не цель, а средство*, которое можно *мобилизовать* в интересах стремления к реализации человеком заложенного в нем человеческого содержания, во благо развития его гражданских возможностей, удовлетворения его социальных потребностей, *потребностей в комфортной и радостной жизнедеятельности*, ради появления *чувства уверенности* в своих силах и взаимной поддержке друг друга.

О. Г. Роговая,
доцент кафедры неорганической химии

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ — ПОЛЕ ИННОВАЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Экологический кризис имеет глобальный характер и проявляется комплексно в виде разнообразных проблем в социальной, демографической, экономической сферах, сферах природы и духовного развития человека. Углубление экологического кризиса связано с возрастанием антропогенной нагрузки на окружающую среду, которая определяется численностью населения планеты, уровнем потребления и уровнем развития технологии.

Со времени первой международной конференции по окружающей среде в Стокгольме (1972 г.) ученые, политики, обеспокоенные граждане различных государств не оставляют попыток изменения ситуации в лучшую сторону. Однако следует признать, что технические, экономические, правовые, политические средства, используемые для решения локальных экологических проблем, оказались не в силах даже смягчить экологическую ситуацию на глобальном уровне. И в 1989 г. была создана Международная комиссия по окружающей среде и развитию, перед которой была поставлена задача подготовки «глобальной програм-

мы изменений». Идея устойчивого развития¹ человеческой цивилизации в мире природы была принята международным сообществом в качестве идеологии на знаменитой конференции РИО-92 и декларировалась как возможность будущим поколениям удовлетворять свои насущные духовные и материальные потребности на уровне хотя бы не ниже нынешних поколений. К сожалению, в первые годы преобладали попытки втиснуть в новое понятие старое содержание, т. е. предлагалось совместить прогресс в его традиционном понимании с эволюцией биосферы и при этом не разрабатывались инновационные механизмы регуляции таких отношений. Отсутствие очевидных результатов поставило перед людьми вопрос: «А не является ли идея устойчивого развития, предполагающая пропорциональное экономическое, социальное и природное (экологическое) развитие, очередным мифом, навязываемым человечеству?»

¹ Английский термин *sustainable development* чаще всего переводят как *устойчивое развитие*, хотя слова *поддерживаемое* и *допустимое развитие*, на наш взгляд, более точно отражают современное понимание этого термина.